

ЭДВАРД
РАДЗИНСКИЙ

КНЯЗЬ

Записки стукача

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Р15

Дизайн обложки Владислав Воронин

Радзинский, Эдвард Станиславович

Р15 Князь. Записки стукача / Эдвард Радзинский. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 512 с. — (Бестселлеры Эдварда Радзинского).

ISBN 978-5-17-155297-8

Мираж императорского Петербурга, роскошь романовских дворцов... и печальный Петербург Достоевского, убогие квартиры террористов, где эти кровавые идеалисты готовили будущее Родины, — таковы главные места действия книги.

Герои повествования Император Александр II — последний великий царь и первый донжуан Европы, педантично описавший в секретном дневнике пять покушений на собственную жизнь и свою последнюю безумную любовь. И князь В-кий — потомок знаменитого рода, Рюрикович и... секретный агент тайной полиции. Его глазами мы увидим властителей дум эпохи — Достоевского и Герцена, Бакунина и Маркса. И наших знаменитых молодых революционеров, создавших самую мощную террористическую организацию Европы.

А над всеми ними — бессмертная русская тайная полиция, незримо руководящая жизнью страны и опутавшая Россию своей сетью, в которой в конце концов задохнулась Империя.

Впрочем, в книге есть главный победитель, с улыбкой взвешивающий на все эти беспощадные политические страсти. Это «наука страсти нежной», победившая в конце концов их всех — и донжуана-императора, и непреклонных террористов, и несчастного красавца князя В-го...

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155297-8

© Э. Радзинский, 2024

© ООО Издательство АСТ, 2024

МОИ ЗАПИСКИ (ЗАПИСКИ КНЯЗЯ В-ГО)

Наступил 1919 год. В самом повторении цифр мерещилось дьявольское. В стране, называвшейся прежде Российской империей, шла Гражданская война.

В Петербурге ночами — повальные аресты, меня слишком многие знали, и я придумал перебраться в Москву.

Стоял ноябрь. Город был покрыт портретами новых вождей и алым кумачом. Большевики перенесли столицу в Москву и праздновали в столице московских царей вторую годовщину своей победы.

Пришли необычные холода. Выпал ранний снег. В новой столице не было ни дров, ни еды, и люди умирали. Я жил (точнее, прятался) в квартире покойного дяди — огромной нетопленной квартире на окраине Москвы...

Дядя — адмирал, служил в Генеральном штабе. Он находился с инспекцией в Кронштадте, когда случился большевистский переворот. Пьяные матросы заставили его рыть яму на Якорной площади перед собором. Там его и закопали — живьем...

Все квартиры в центре новой столицы уже были «уплотнены» — в них вселились солдаты, рабочие и вчерашняя прислуга. Образовались огромные коммуналки, где по утрам полуголые, потерявшие всякий стыд немые люди стояли

в очереди в туалет и ванную. Но окраину только начинали трогать.

Всю мебель я давно сжег, и две последние картофелины испек на костре, устроенном в гостиной. Квартира стала первобытной пещерой.

Два дня я ничего не ел и рискнул выйти за хлебом...

Я направился к вокзалу. Здесь можно было раздобыть нужный адресок.

Хлеб в Москву везли из деревень — утаенный от конфискации крестьянский хлеб. Провозили тайно, замаскированно — мамыши, будто кормящие грудных младенцев (вместо младенцев — завернутые в одеяло буханки хлеба), или в грязных мешках под бельем, подкупив железнодорожную охрану. Пойманных расстреливали красногвардейцы тут же, на платформах, но удачливые мешочники (так их называли) прорывались в погибавшую от голода столицу.

За хлеб получали все — золото, бриллианты, женщину, девочку. Адреса мест, где можно купить этот опасный хлеб, знакомые передавали друг другу, незнакомые продавали в вокзальных туалетах. В вонючем, давно не убиравшемся туалете я обменял теткин бриллиант на адресок: «В первом доме, справа от Казанского вокзала, во дворе найди зеленый забор. Вторая доска справа на заборе отодвигается, пройди во двор — за помойкой мешочник будет ждать с хлебом в шесть утра...»

И я отправился. Под пиджаком на теле был привязан мешочек со знаменитыми теткиными драгоценностями — диадемой с огромным изумрудом и ожерельем крупного жемчуга...

Было еще темно. В грязноватом рассвете огромный Карл Маркс смотрел со здания вокзала. Я вспомнил его огромную голову, пугающее множество волос — шевелюру, бороду Саваофа и заросшие пальцы. Вспомнил, как, веселый и пьяный, в лондонском рассвете он бил фонари вместе с компанией подвыпивших соратников... И как прытко удирает от лондонского полицейского.

Впрочем, теперь все фонари вокруг вокзала были также разбиты — вероятно, в его честь.

Когда я подошел к зеленому забору и начал искать отодвигавшуюся доску, меня окликнул грязный старик. В бесформенных лохмотьях опытный взгляд мог разглядеть когда-то дорогую шубу с оторванным (должно быть, проданным) бровым воротником.

Он прошептал беззубым ртом: «Не ходите туда, милостивый государь... там засада — милиция... Все отняли — жемчуг, золото...» И осекся, ибо в этот момент узнал меня.

В моей такой же грязной, потерявшей всякий вид шубе узнать меня было непросто... впрочем, как и его.

Старик с удивительной резвостью пошел прочь.

Я устремился за ним.

— Вот так встреча! — громко шептал я. — Куда же вы, ваше превосходительство?

Он не оглянулся...

Две грязные бесформенные шубы мчались по улице.

Красногвардеец, стоявший на углу, проводил нас взглядом, и я тотчас раздумал догонять.

Теперь я точно знал — это был *он*.

Его я заметил уже на второй день после того, как переехал в квартиру дяди.

Тогда, пытаясь заснуть в ледяной квартире, я старательно содрал все занавеси с окон. Вместе с одеялом они должны были согреть голодное тело... И в обнажившееся окно кухни я увидел такое же голое окно в доме напротив.

Старик стоял в кухне и что-то варил.

Я сходил с ума от голода. Я принес бинокль дяди — разглядеть, что он варил. И тогда мне пришла в голову ясная мысль: убить варившего! Мне, вчерашнему *Его* Превосходительству... убить! Как тонка пленка цивилизации...

И, решившись убить, я поднял бинокль и... не поверил своим глазам.

Это был он! Или... видение от голода? Мне показалось?

В этот момент он почему-то странно заспешил прочь с кухни. На следующий день окно было завешено какими-то лохмотьями.

Я знал его с девятнадцати лет... О нашей первой встрече расскажу после.

Две последние случились накануне конца Империи...

Заканчивался февраль семнадцатого года. Я был влиятельным членом кадетской партии. И все свое огромное состояние, одно из самых больших в России, тратил на нужды партии. Было ясно — нам надо спешить... Империя шла ко дну. На фронте — одни поражения. Военные гробы — тысячами, каждый день. И царь, «безумный шофер» (как мы его тогда называли), прямиком мчал нас всех в пропасть.

22 февраля царь уехал в Ставку.

Но уже 20 февраля руководство партии собралось в моей квартире.

Гора бобровых шуб в передней... Старый Фирс с семью бакенбардами, в дорогой ливрее, похожий на генерала. Все, что нынче безвозвратно исчезло...

Я выступал с докладом: «Жалкая слякотная власть ведет нас к революции. Это будет *наша русская* революция. Революция гнева и мести темных низов. Это будет наш русский бунт — бессмысленный и беспощадный... Реки крови! Мы обязаны перехватить инициативу, господа...»

Было решено устроить переворот. Приехавший с фронта генерал должен был захватить царя, когда он будет возвращаться из Ставки в Царское Село... и заставить отречься.

Но *его* агент (как всегда) оказался среди нас...

Вскоре я получил приглашение явиться в Департамент полиции — *к нему*. На повестке стояла дата: 25 февраля 1917 г.

Сколько раз за свою жизнь я получал от него эти приглашения...

Решился бежать, и немедленно. Но когда подошел к окну, увидел: трое в котелках и одинаковых черных пальто прогваливались у моего дома.

Он открыто установил наружное наблюдение. Чтобы я понял: бежать поздно. Обычный его прием — повесить топор над головой. «Неотвратимость наказания» — его любимые слова.

Но русский фарс торжествовал: прийти к нему в Департамент полиции мне не довелось. Пришлось прийти *ему* ко мне. Ибо началась Революция... В три дня погибла трехсотлетняя империя... Толпа громила полицейские участки. Дым, гарь стояли в те дни над Петербургом — горели Департамент полиции, суд, охранка... Царский поезд так и не смог пробиться в Царское Село — его заперли на станции с удачным названием Дно.

3 марта я узнал: царь отрекся от престола.

Я стал товарищем министра юстиции, одним из организаторов знаменитой Чрезвычайной комиссии. Комиссия расследовала преступления высших царских чиновников и феномен Распутина.

На первое заседание собрались в Зимнем дворце...

Поднимаясь по парадной Иорданской лестнице, я вспоминал свой первый бал во дворце... Помню, как обрушилось на меня тогда все ее великолепие: сверкали мраморные стены с золоченой лепкой, тысячи свечей — в зеркалах и гигантский лазоревый плафон с богами Олимпа — над головой... Вдоль лестницы — шпалеры казаков в черных бешметах и «арапы» в малиновых куртках, в белых тюрбанах. Между ними текла наша толпа — ослепительно белые и кроваво-красные мундиры, сверкающие каски с золотыми и серебряными орлами... Дамы с обнаженными алебастровыми плечами, у корсажей мерцал «шифр» — осыпанный бриллиантами вензель царицы, знак фрейлины...

Высокий седой красавец Государь Александр Второй и хрупкая Императрица с лазоревыми глазами открывали бал в придворном полонезе...

Теперь вместо этого видения из «Тысячи и одной ночи» — пустая грязная лестница. На мраморных ступенях — солдатские окурки... А те, кто приглашался на эти придворные балы, нынче сидели в сырых казематах Петропавловской крепости.

В Зимнем дворце мы только заседали... Допрашивали заключенных обычно в самой крепости. Помню комнату, где шли допросы. Из окна виден беспощадный золотой шпиль и летящий ангел на нем.

Ко мне приводили вчерашнего премьер-министра Голицына. Как же он был стар — в паузах допроса дремал... И мою петербургскую знакомую Аню Вырубову. Она сильно хромала, подпирала плечо костылем, плакала... Вчерашние владыки мира — в них появилось что-то трогательное, беспомощное, незащитное, детское... Таков человек — в горе и унижении становится ребенком.

Но *он* остался прежним.

Когда *его* привели, насмешливо поглядел на меня:

— Видите, как повернулось. Вчера я собирался вас допросить, а сегодня вы меня допрашиваете... Но впереди у нас с вами еще «завтра», — и усмехнулся. Потом спросил: — Сколько же лет мы знакомы?

— Сорок восемь.

— Почти юбилей. Сколько вам было, когда мы встретились?

— Девятнадцать.

— Да и я был на какие-то двенадцать лет старше. Всю жизнь мы прожили с вами бок о бок. Интереснейшая была у нас с вами жизнь... Опишите, коли останетесь живы. Вы ведь и журналистикой успешно баловались... Однако что это я вас допрашиваю — вы ведь должны меня...

Когда я начал допрос, он все с той же насмешкой прервал:

— Где же стенограф? Вижу, сами решили записывать мои показания... Бойтесь, *все* расскажу?.. Но в ваших глазах — веселые огоньки. Дескать, рассказать можно, но как доказать? Ведь здание бедного Департамента полиции — тю-тю... сгорело, и *все архивы* сгорели... Наверняка кто-то из ваших постарался... — Он засмеялся. — Этого я и ждал... Слишком много *наших* было среди *ваших*... Но позвольте напомнить: когда Наполеон прогнал хитреца Фуше из Министерства полиции, его преемник нашел архив... абсолютно пустым! Исчезли все секретные бумаги и главное — списки агентов. Наполеон в бешенстве клял Фуше «мерзавцем». И Фуше сказал тогда замечательную фразу: «Возможно, я принадлежу к мерзавцам, но к жертвам — никогда». Вот и я тоже... запасся. Так сказать, сохранил личный архив. — И добавил мрачно: — Не бойтесь, вас не трону... *пока*. Ну, допрашивайте.

Мои вопросы были о влиянии Распутина.

Он отвечал все так же насмешливо:

— Никакого влияния не было и быть не могло. Что же касается бесконечных ссылок в письмах царицы на пророчества Распутина, то Александра Федоровна была хоть и психопатка, но интуитивно хитра. И когда хотела чего-то добиться от несчастного царя, объявляла свое желание... предсказанием Распутина! Причем сама в это верила... На другой распространенный вопрос отвечаю: Распутин с ней не спал. Была она уже немолода и, главное, худая, а Распутин, как все мужики, любил очень пышных... Да вы и сами отлично все это знаете, так что непонятно, зачем меня вызвали!..

Когда его уводили, он повторил:

— Ишь как обернулось! *Вчера* я вас хотел допросить, а *сегодня* вы меня допросили. — И, засмеявшись, старый дьявол добавил: — Я вас еще раз предупреждаю: *впереди у нас «завтра»*.

И ведь как в воду глядел!

Октябрьский переворот... Большевики окружили Зимний. Я до конца находился во дворце, сидел в маленькой беломраморной зале заседаний правительства вместе с министрами...

Помню этот приближающийся человеческий рев, топот... В распахнувшуюся дверь ворвались скопом... Толпа. Вперед вынырнул типичный интеллигент в пенсне и в какой-то романтической оперной шляпе с широкими полями. Встал перед столом, вынул из кармана лист бумаги и, близоруко щурясь через пенсне, торжественно прочел: «Именем Революционного Военного Совета Временное правительство объявляется низложенным».

Восторженный рев и гогот солдатни, набившейся в комнату.

Я сидел совсем рядом с ним. И когда он опустил исторический лист, увидел, что это была... ломбардная квитанция.

Тогда еще не вошло в обычай тотчас расстреливать. Солдатня повела нас в ту же Петропавловскую крепость. По дороге нашу процессию по ошибке трижды обстреляли. Спасаясь от пуль, мы падали прямо в октябрьскую слякоть. Можно представить, в каком виде я вошел в камеру...

В камере на койке сидел... *он!*

Он засмеялся:

— А я вас давно поджидаю. Вот и пришло «завтра»... Стоило тратить вам теткинo состояние... Столько миллионов ухлопать на Революцию, чтобы в конце концов попасть сюда. А я ведь собирался посадить вас совершенно бесплатно...

Уже на следующий день его, руководившего сысской полицией Империи при трех императорах, отправившего на виселицу множество революционеров, начиная с террористов-народовольцев и кончая большевистскими боевиками, эти же большевики выпустили из тюрьмы «в связи с преклонным возрастом»!

Видимо, кому-то из очень влиятельных большевиков пришлось постараться... Что делать, немало нас, революционеров, были тайными невольными и вольными его сотрудниками. Так что не один я боялся его архива.

Уходя на волю, он сказал мне:

— Желаю вам счастливого завершения вашего романа с Революцией.

Его освободили, а мне, несмотря на все заслуги перед Революцией, пришлось бежать из крепости.

И вот мы встретились в третий раз. Любит русский Бог Троицу.

Будто мучая меня, он вновь снял занавеску.

Теперь каждый день, перед тем как лечь спать голодным, я наблюдал в бинокль, как старик варил еду на маленьком костерке, разложенном на кухне.

И потом медленно ел.

Но вдруг он перестал появляться на кухне.

Прошло несколько дней, а он не выходил... Между тем в бинокль я разглядел на столе разложенную картошку. Много картошки. И белый хлеб, и сахар! Будто знал, что смотрю, будто нарочно мучил меня. Как мучил всю жизнь!

Ужасная мысль окончательно завладела мною... И я решил.

Я, сын князя В-го, потомок Рюриковичей, товарищ министра юстиции Временного правительства... решил обокрасть и, возможно, убить бывшего вице-директора Департамента полиции генерал-адъютанта свиты Его Величества графа Андрея Андреевича Кириллова.

Мы все превратились в первобытных людей... Голод, проклятый и постоянный голод, может сделать с человеком все!

Весь вечер я провел у окна, но старик опять не вышел в кухню... Было три варианта: он ушел... или тяжело заболел... или умер...

Я запасся веревкой и обычным кухонным ножом. После полуночи вышел из дома, вошел в его подъезд. Поднялся к квартире. И приготовился бороться с замками... Как это делать, я плохо себе представлял. Для начала с силой надавил плечом на дверь, и, к моему изумлению, она распахнулась!

Дверь была не заперта.

Он лежал мертвый на кровати в гостиной. Одет был в великолепную фракную пару.

На тумбочке были сложены ордена. На столе — открытая бутылка шампанского, рядом — пустой хрустальный бокал. Из хрусталя он выпил последний свой напиток...

К бокалу было прислонено письмо.

«Алексею Федоровичу В-му (надеюсь, в собственные руки).

Милостивый государь Алексей Федорович!

Как я и предполагал, вы меня навестили. Думаю, с ножом, а то и похуже — с топором под пальто, как и положено русскому либералу в трудных обстоятельствах. Впрочем, родственник ваш Федор Михайлович Достоевский все это описал в приятном образе господина Раскольников и еще в «Бесах», к сожалению, не столь популярных в нашей Раше. Как и положено тупым мерзавцам, мы (вы) их не поняли...

Честно говоря, думал — даже надеялся, — что вы придете пораньше. На вашу кровавую помощь надеялся. Но так как отправить меня на тот свет вы колебались (это у вас, интеллигентов, в крови — перед преступлением колебаться), решил сам предпринять *давно желанное мной путешествие*. Опять же, говоря цитатой из вашего родственника: «Свой билет на вход спешу возвратить обратно».

Уходя из жизни, оставляю вам ордена и фамильные драгоценности, каковые не успел обменять на хлеб насущный...

(Далее все аккуратно перечислялось.)

То обстоятельство, что большевички столь успешно выполнили первую часть пожелания Христа — «Раздай все свое богатство нищим», означает, что и вторую часть — «Следуй

за мною» — они непременно выполнят... (Честно говоря, я не понял, что он хотел сказать этой фразой... Может быть, имел в виду «Следуй за мною *на крест?*»).

Так что мой вам совет: воспользуйтесь как можно быстрее оставляемым вам наследством и как можно быстрее бегите прочь из нашей «несчастной, немойтой», где дикий человек с кистенем вышел на свободу. Но состояние свое оставляю вам с рядом условий. И вы их выполните, коли вы честный человек. Впрочем, насытившись — я уверен, — станете честным. Сытый всегда честен. Точнее, «когда он стал сыт, он стал честен». Пункт первый. Секретный дневник нашего с вами знакомого Государя императора Александра Второго и принадлежащие ему «смелые» рисунки лежат в весьма прозаическом месте — у меня под кроватью.

Как все это попало ко мне, прочтете в записке, вложенной в дневник...

Рисунки непременно уничтожьте. Дневник оставьте себе.

Надеюсь, прочитав его, вы лучше поймете, как случилась с Россией великая катастрофа, которой мы стали свидетелями... точнее, участниками, а вы даже в какой-то мере основоположником.

И наконец, второй пункт, и главный.

Вы отправитесь на квартиру господина Исакова (следовал адрес). Это канцелярист, служивший прежде в Синоде. Нынче он работает у большевиков в Совете народных комиссаров делопроизводителем. Доверять ему абсолютно можно. Он передаст вам некую фотографию. На ней изображено подлое завершение Истории Великой Империи. Фотография эта хранилась в ЧК, ее выкрал мой агент, ставший нынче у новой власти большим чиновом... Фотографию следует отвезти в Данию вдовствующей Императрице. Ее Императорское Величество Мария Федоровна живет на родине в Копенгагене.

Покинуть Большевизию и любимые пепелища вам поможет некий финн, с которым вас сведет господин (товарищ) Исаков. Финн — большевик с основания их партии, власть ему совершенно доверяет. Сей мерзавец переправ-

ляет людей за драгоценности. Передадите ему бриллиантовую диадему, кольцо с изумрудом, два кольца с бриллиантами и все ордена. Такая цена за вашу отправку с ним согласована.

Когда увидите Императрицу, передайте ей низжайший поклон от верного слуги Андрея Кириллова... Бедная женщина... Надо знать ее характер, чтобы понять, что она пережила. Что ж, Господь показал властной жене самого властного императора истину слов Святой книги. «Но хотя бы ты, как орел, высоко свил гнездо твое, и оттуда низрину тебя, — говорит Господь».

Если бы выбить это на королевских дворцах! Засим прощайте.

Покойник Кириллов».

Под кроватью покойника лежал грязный мешок. В нем под лохмотьями я обнаружил тетради с золотыми обрезами, исписанные столь знакомым мне мелким, бисерным почерком Государя Александра Второго, и аккуратно уложенные в папку порнографические рисунки. Думаю, что рисовал их для царя Зичи — модный тогда придворный живописец...

В первой тетради нашел вложенную гаерскую записку покойника Кириллова: «Сей секретный дневник Государя Александра Второго был успешно похищен мною два часа спустя после смерти убиенного Государя при следующих обстоятельствах.

По повелению нового Государя Александра Третьего был привезен в Зимний дворец художник господин Маковский для снятия портрета с покойного. В это время супруга убиенного Государя светлейшая княгиня Юрьевская удалилась сменить пеньюар, запачканный кровью Императора. Сам же господин Маковский, установив мольберт, выяснил, что для его труда света в комнате недостаточно. И отправился позвать лакея — поднять шторы на окнах. Именно тогда мне, оставленному в совершенном одиночестве, представилась возможность забрать из секретера

Императора эту рукопись, о существовании которой мне было хорошо известно и которую я не раз тайно читал.

Тогда же забрал я «смелые» рисунки.

Самое удивительное: проходя мимо тела Государя, увидел... улыбку на его лице.

Р. S. Следует ли издавать этот дневник, написанный для узкого круга? Не знаю. Уверен в одном: все исходящее от Верховной Власти не должно пропасть. Но коли дневник Государя будет предан гласности, следует сделать следующее примечание от моего лица:

«Все эти годы вверенная мне служба осуществляла слежку за представителями семейства Романовых. Делалось это в целях безопасности Династии и Империи. Сия задача облегчалась семейной традицией. Почти все члены царствующей династии вели дневники. Хотя этот секретный дневник Государя был при его жизни мне не известен, но копии записей в дневниках Великих князей я ежедневно получал через внедренную мной агентуру.

(Об этой деятельности секретной службы был осведомлен Обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев.)»

Я не собирался выполнять пожелания человека, мучившего меня всю мою жизнь.

Я попросту перетащил мешок с дневником, продукты и драгоценности к себе, оставив мертвеца лежать на диване.

Однако насытившись, я... снова стал человеком. Кириллов оказался прав.

Уже утром у меня появилась навязчивая идея. Стало казаться, что Господь даровал мне хлеб... чтобы вернуть человеческое. Недаром избавил меня от убийства. И что самое удивительное: панический страх, в котором я провел эти два года, пропал...

Короче, я начал выполнять все, о чем он просил.

Я сделал даже больше. Похоронил его в том самом великолепном фраке, который наверняка без меня с него содрали бы, украли! И оплатил похороны теткинью колье и зо-